
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В. В. ГЛЕБКИН

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ О ДВУХ СИСТЕМАХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Статья посвящена анализу с позиций культурно-исторической психологии гипотезы М. Конвея о двух системах автобиографической памяти. Автором предложено описание эволюции автобиографической памяти при переходе от «традициональных» культур к «теоретическим», соотнесенное с эволюцией мышления с использованием конкретных примеров.

Ключевые слова: автобиографическая память, культурно-историческая психология, традициональная культура, теоретическая культура.

За последние 30 лет в западной науке произошел качественный скачок в исследованиях автобиографической памяти. Значительный эмпирический материал, собранный за это время, привел к появлению ряда оригинальных гипотез, носящих фундаментальный характер. К сожалению, этот процесс пока не получил должного освещения в отечественной литературе. Так, в диссертации В. В. Нурковой (2009б), резюмирующей итоги единственного, пожалуй, в российской науке цикла исследований, посвященных системному изучению автобиографической памяти (Нуркова 2000; 2009а; Нуркова и др. 2003; Нуркова, Василевская 2003; Нуркова и др. 2005), анализ фундаментальных теоретических моделей, разработанных западными учеными, а также лежащей в их основе методологии сводится к нескольким общим тезисам, вплоть до утверждения о присущей этим работам «методологической беспечности».

В частности, исследования английского психолога М. Конвея с коллегами помещаются Нурковой в рамки когнитивного подхода, характеризующегося игнорированием роли «сознания и культурных средств в становлении и функционировании автобиографической

памяти», а также отсутствием постановки вопроса «о взаимообусловленности структурных и функциональных характеристик автобиографической памяти, о системной организации функций автобиографической памяти» (Нуркова 2000: 8–9). Обращение к текстам М. Конвея показывает, однако, что это не так. Им и его учениками описана система автобиографической памяти, для которой сознание, понимаемое как социокультурный феномен, является стержневым элементом (Conway, Jobson 2012; Rathbone *et al.* 2008; Williams *et al.* 2008: 37–39; Conway 2005; Conway *et al.* 2005; Conway, Holmes 2004; Conway, Singer, Tagini 2004; Conway, Pleydell-Pearce 2000; Conway 1996; Conway, Rubin 1993). Важной чертой этой системы становится выделение двух относительно независимых подсистем автобиографической памяти с различной эволюционной историей: эпизодической памяти, связанной с ярко переживаемыми, включающими в себя эмоциональный и перцептивный регистры воспоминаниями о локальных жизненных эпизодах (*episodic memory*), и событийного автобиографического каркаса (*autobiographical knowledge*), подсистемы, для которой базовым является уже когнитивный регистр и которая формирует интегральный образ личности как уникального субъекта исторического процесса.

Цель данной статьи в том, чтобы взглянуть на гипотезу Конвея с позиций культурно-исторической психологии, сделав акцент на эволюции автобиографической памяти в процессе культурно-исторического развития.

Структура автобиографической памяти в концепции М. Конвея

Кратко остановимся на предыстории указанной гипотезы. Точкой отсчета для современных представлений об автобиографической памяти можно считать работы Е. Тулвинга (Tulving 1972; 1983; 1985), в которых тот выделяет три типа памяти: процедурную память (*procedural memory*), вовлеченную в деятельность, осуществляющуюся в режиме *on-line*, семантическую память, хранящую общие знания о внешнем мире (*long-term semantic memory*), и эпизодическую память, основывающуюся на индивидуальном опыте (*episodic memory*). Второму и третьему типу соответствуют два различных типа сознания: один соотносится с ноэтическим сознанием (*noetic consciousness*), отвечающим за рациональное оперирование с окружающим миром, за работу с понятиями, другой соответствует автоноэтическому сознанию (*autonoetic consciousness*), сохраняющему эмоциональную память о событии, его «вкус, цвет и запах».

Автобиографические воспоминания, по Тулвингу, могут состоять из биографических фактов, несущих определенную фактиче-

скую информацию (например, *я родился в Москве в 1958 году*) и соотносящихся с ноэтическим сознанием, и воспоминаний, которые переживаются непосредственно и могут быть охарактеризованы как автоноэтические. Другие авторы (Brewer 1986; Williams *et al.* 2008: 23) говорят в аналогичной ситуации о рациональных *реконструкциях* и эмоционально переживаемых *копиях* событий.

В ряде исследований (см., например: Nigro, Neisser 1983) предложена оппозиция *field-perspective – observer-perspective*, т. е. противопоставление описания событий с позиций участника действия и стороннего наблюдателя. Результаты экспериментов показывают, что отдаленные воспоминания чаще переживаются с позиции наблюдателя, тогда как недавние – с позиции участника. Когда членов экспериментальной группы просили изменить перспективу с участника на наблюдателя, это приводило к ослаблению эмоционального эффекта, к большей отстраненности в описании (Williams *et al.* 2008: 23).

В заданном контексте ключевыми для теории автобиографической памяти являются вопросы о том, как конкретные события, превращаясь в воспоминания, встраиваются в априорную по отношению к ним структуру и как она определяет каркас, содержание, да и просто возможность тех или иных воспоминаний. Общим тезисом здесь служит утверждение, что эта структура задается структурой личности (*Self*), идентифицирующей себя посредством воспоминаний, но одновременно и формирующей базовые воспоминания, когерентные ей (Williams *et al.* 2008: 27–41; Conway 2005; Sutin, Robins 2005; Conway, Pleydell-Pearce 2000; Habermas, Bluck 2000; Oakes, Human 2000; Freeman 1993: 1–24; Luborsky 1990: 19; Barclay 1986: 82–83). Отсюда вытекает, в частности, что пока структура личности не сформирована, человек не в состоянии оставлять целостные автобиографические воспоминания, связно рассказывать свою биографию. Так, подростки до 17–18 лет обычно не могут давать целостное описание своей жизни, хотя отдельные необходимые для такого описания когнитивные блоки осваиваются довольно рано (обзор см. в: Habermas, Bluck 2000; ср.: Нуркова 2009: 360–374).

Перейдем теперь непосредственно к модели, описанной в работах М. Конвея и его коллег. Эта модель эволюционировала со временем, сохранив базовые инварианты своей структуры, которая выглядела следующим образом. Система автобиографической памяти (*Self-Memory System*) состоит из двух базовых компонентов: «ситуативное Я» (*working Self*) и «база данных» автобиографических воспоминаний (*autobiographical memory knowledge base*). «Ситуативное Я» представляет собой часть личности, «высвеченную» заданным

ситуационным контекстом, т. е. иерархически организованную систему целей, мотивов, когнитивных моделей и ценностных установок, активно функционирующих в той или иной ситуации и определяющих в конечном счете поведение индивида. Ситуационные цели могут быть весьма разнообразными: от локальных (движение по маршруту от дома до места работы, покупка продуктов в магазине) до жизнеобразующих (смена профессии, объяснение в любви и т. д.). В каждой из таких ситуаций активной оказывается не вся личность, а более или менее значительная ее часть, что приводит, по утверждению авторов, к активизации одних групп воспоминаний и ослаблению (или блокированию) доступа к другим. Понятие *working self* тесно связано в данном контексте с понятием *working memory* (Conway, Pleydell-Pearce 2000: 265–271; Conway 2005: 597–607).

«База данных» автобиографических воспоминаний состоит из двух упомянутых выше больших блоков, находящихся в долговременной памяти: *событийный автобиографический каркас* (*autobiographical knowledge*) и *воспоминания о конкретных эпизодах* (*episodic memories*). Событийный автобиографический каркас задает соответствующий структуре личности «скелет» для автобиографических воспоминаний, обрастающий чувственной плотью конкретных переживаний. Это иерархически организованная структура, состоящая из нескольких встраиваемых друг в друга подструктур, различающихся по степени абстракции и уровню обобщений. Первая – внешняя и наиболее абстрактная – часть каркаса характеризуется авторами как *история жизни* (*life story*), содержащая в себе целостный образ *Я*, задающая динамическую структуру личности как развернутого во времени жизненного пути, который может распадаться на обладающие значительной самостоятельностью блоки (Conway 2005: 608).

Вторую подструктуру составляют *жизненные периоды* (*lifetime periods*), представляющие собой целостные, событийно насыщенные фрагменты жизни (учеба в *N*, дружба с *P*, работа в *F* и т. д.). Фрагменты не обязательно располагаются последовательно, они могут пересекаться, накладываться друг на друга, включаться один в другой (Conway 2005: 608; Conway, Pleydell-Pearce 2000: 262; ср.: Barsalou 1988: 221).

Третью, наиболее приближенную к повседневному опыту подструктуру задают *события* (*general events*), которые могут быть *итеративными* (*repeated or categoric events* – например: когда я жил в *N*, я каждое утро бегал по парку), *протяженными* (*extended events* – летом я две недели провел в Париже), а также *мини-историями* (*mini-histories*), такими как первый поцелуй или первый опыт вождения машины (Conway 2005: 608; Conway, Pleydell-

Pearce 2000: 262–263; ср.: Barsalou 1988: 200). Их общей чертой является то, что они, несмотря на все типологические различия, релевантно отражают жизненный путь личности как динамично изменяющейся, иерархически организованной системы целей, мотивов, знаний, познавательных и ценностных установок. Так обеспечивается решение двух основных задач: адекватное представление об окружающей реальности, позволяющее эффективно взаимодействовать с ней (*correspondence*), и целостность личности, связанное представление о себе самом (*coherence*), обеспечивающее психическую устойчивость и адекватность поведения (Conway 2005: 595–596).

«Эпизодическая память» (*episodic memory*), т. е. память, связанная с воспоминаниями о конкретных жизненных эпизодах, работает как обособленная от событийного автобиографического каркаса система, сохраняющая наряду с концептуальными перцептивные и аффективные характеристики процессов, зафиксированные в оперативной памяти (*working memory*). Связанные с эпизодической памятью воспоминания характеризуют короткие промежутки времени и возникают в виде зрительных или – реже – иных сенсорных (звуковых, тактильных и т. д.) образов и в процессе воспоминания как бы переживаются заново¹. Такие воспоминания сохраняются надолго, только если они привязываются к каким-либо звеньям событийного автобиографического каркаса. В противном случае они быстро забываются (*Ibid.*: 612–613).

Доказательство автономного характера эпизодической памяти – существование людей, у которых (по причине органической амнезии или в результате психического заболевания) отсутствует способность воспоминания и эмоционально-чувственного переживания жизненных эпизодов, тогда как концептуальный автобиографический каркас, знание о последовательности автобиографических событий сохраняется. Описаны также пациенты, которые, наоборот, сохраняют отдельные яркие чувственно переживаемые воспоминания с заметным ослаблением или полной утерей концептуального автобиографического знания. Об этом же свидетельствуют и нейроанатомические данные. Есть основания связывать работу эпизодической памяти с задней височной и затылочной долями головного

¹ В работах В. В. Нурковой им соответствуют «фотографические» воспоминания, которые сама исследовательница связывает с так называемым *flashbulb* феноменом (Нуркова 2000; 2009). Однако здесь, видимо, имеет место недоразумение: в западных исследованиях *flashbulb*-воспоминание – это не просто «яркий, легко и полно визуализируемый эпизод прошлого» (Нуркова 2000: 110), а воспоминание о моменте, когда человек узнал о каких-либо значимых для него событиях (например, политической истории), участником которых он не был, сохраняющее детальные характеристики контекста воспоминания (обзор см., например: Williams *et al.* 2008).

мозга, отвечающими за оперативное взаимодействие с окружающей средой, тогда как концептуально организованная система, обеспечивающая когерентность личности и достижение долговременных целей, связана с префронтальной передневисочной областью (Conway 2005: 622–623; Conway, Pleydell-Pearce 2000: 275–277).

Опираясь на приведенные данные, автор выдвигает вынесенную в заглавие статьи гипотезу о двух системах автобиографической памяти. Система эпизодической памяти является более древней; она присутствует и у животных, позволяя им решать кратковременные адаптационные задачи и запускаясь конкретными ситуационными «ключами». Разумеется, при этом она также эволюционирует во времени, трансформируясь и усложняясь под воздействием социокультурных факторов. Концептуальная система формируется позднее; в определенном смысле она располагается как бы на вершине эпизодической памяти, обеспечивая доступ к воспоминаниям, важным для формирования и эволюции личности как когерентной системы и способствуя реализации долговременных целей (Conway 2005: 622–623).

Не проводя здесь подробного анализа модели Конвея в целом², остановимся на гипотезе о существовании двух мнемических систем, рассмотрев ее в культурно-исторической перспективе.

Развитие автобиографической памяти в процессе культурно-исторической эволюции

При наличии большого массива работ, посвященных эволюции автобиографической памяти в онтогенезе, а также работ, выявляющих специфику автобиографической памяти в различных современных культурах, вопрос о ее изменении при переходе от одних культурно-исторических типов к другим, по сути, еще не поставлен ни отечественными, ни зарубежными исследователями. Обычно в историко-культурных исследованиях связывают распространение биографизма с культурой Нового времени (см., например: Дубин 2001), но биографизм как феномен порождения письменных биографических текстов и автобиографическая память – различные явления; отсутствие первого еще не означает отсутствия второго.

² Изложенная концепция оставляет непроясненными ряд фундаментальных вопросов. Пожалуй, наиболее существенный из них – соотношение *working Self* с другими типами *Self*, также вводимыми в работах Конвея: *conceptual Self* и *long-term Self*. Так, в одной работе (Conway, Singer, Tagini *et al.* 2004) английский исследователь помещает *conceptual Self* в *long-term Self*, в других (Conway, Meares, Standart 2004a; Conway 2005) – связывает его с *working Self*. Из-за этой неопределенности и само понятие *working Self*, ключевое в концепции Конвея, оказывается недостаточно структурированным.

Вместе с тем проблема формирования высших психических функций в процессе культурной эволюции занимает важное место в культурно-исторической психологии, и если считать автобиографическую память одной из таких функций (Нуркова 2009), то можно предположить, что ее эволюция должна в целом соответствовать выявленным здесь общим закономерностям. Такие закономерности нагляднее всего иллюстрируются обращением к культурно-историческому развитию мышления. Общее направление исследований в этой области задано Л. С. Выготским, который использовал понятие «мышление в комплексах», характеризующее стадию, предшествующую понятийному мышлению у ребенка, для объяснения выявленного Л. Леви-Брюлем у аборигенов бразильского племени бороро принципа партиципации и как более строгий аналог введенного французским исследователем термина «пралогическое мышление» (Выготский 1982: 118). Идеи Выготского были развиты и обрели свое экспериментальное подтверждение в созданной в 1930-е годы, но опубликованной намного позднее работе А. Р. Лурии (1974). Ее основной результат можно сформулировать следующим образом: традиционное мышление³ не предполагает возможности создания смысловых конструкций, абстрагированных от контекста повседневной деятельности, взгляда на себя и свои действия со стороны, «раздвоения» человека на «Я-действующее» и «Я-наблюдающее». В исследовании Лурии эта позиция проявилась в неспособности дехкан Средней Азии выделить лишний предмет из группы, следуя некоторому абстрактному принципу, понимать структуру силлогизма, давать себе характеристику, описывать свои достоинства и недостатки, интересоваться чем-то, выходящим за рамки их повседневного опыта. «Мы всегда говорим только то, что видим; того, чего мы не видели, мы не говорим», – так сформулировал эту особенность один из участников (Лурия 1974: 113). Позднейшие исследования (Тульviste 1988; Романов 1991; 2003; Глебкин 2002 и др.) уточнили отдельные наблюдения Лурии, но выделенные выше базовые характеристики традиционного мышления остались неизменными.

Важной особенностью мышления представителей традиционной культуры является специфика порождаемых ими текстов.

³ Понятие «традиционное мышление» введено П. Тульviste (1988) как аналог существующих в рамках других теоретических моделей понятий «архаическое мышление», «первобытное мышление» и как уточнение гораздо более размытого понятия «традиционное мышление». Оно обозначает мышление носителя культуры, в которой отсутствуют развитые формы экономической деятельности, наука, школьное образование, чаще всего, также письменность. Главным способом трансляции такой культуры является наглядно-действенный, а не вербально-логический.

Создаваемые в этих культурах нарративы представляют собой либо локальный эпизод, либо фрагментарный набор эпизодов, не связываемых в единое повествование. В случае же, когда в традиционную культуру (например, в результате коммуникации с «теоретическими» культурами) проникает обладающий логической структурой текст, в пересказе логические связи между отдельными элементами обычно разрушаются, и сюжет в значительной степени обесмысливается. Приведу в качестве показательной иллюстрации трансформацию в сознании авамских нганасан истории, изложенной в первых главах Библии:

Бог сделал двух людей. Были это самоды или русские, не знаю. Одежды никакой не было у них. Теперь бог сказал им:

– Траву не ешьте.

Бог ушел. Два человека сидели. Потом пришел еще один человек. Они его спросили:

– Ты какой человек?

– Я человек.

– Что ешь?

– Траву ем.

Двое людей травы поели. Верно – сладко. Но посмотрели они друг на друга, стало им стыдно, и закрыли они себя травой. Пришел бог и говорит:

– Ну, траву ели?

– Не ели.

Бог посмотрел:

– Ну, ты мужчина, а ты женщина.

Увидев это, бог покинул их. После этого стали они жить. Много детей стало, целый народ.

Дети ходят, никакого языка не зная. Бог посмотрел:

– Почему не говорят? Ну! Пусть не умрут.

Бог ртом сильно подул. На народ сильный ветер пошел. Теперь все люди упали, умерли. Все умерли. Посмотрел бог: все умерли. Тогда опять немного подул. Люди стали оживать, вставать. У одного мужчины и одной женщины один язык стал – русский, потом у других мужчины и женщины – юрацкий, потом у других – карасинский... (Долгих 1976: 161–162).

Наряду с адаптацией сюжета к местным реалиям мы видим здесь отсутствие рациональных обоснований действий участников, важных для оригинала (почему люди стали есть траву; почему им стало стыдно, когда они посмотрели друг на друга; какими соображениями руководствовался Бог, назвав одного из них мужчиной, а другого женщиной и т. д.).

Данный текст удачно коррелирует с наблюдениями Лурии, фиксирующими процесс повторения дехканами силлогизмов. Связь между посылками при повторении терялась, и силлогизм обесмысливался.

Дается силлогизм: «Драгоценные металлы не ржавеют. Золото – драгоценный металл. Ржавеет оно или нет?»

Приведем примеры повторения этого силлогизма (цифры в скобках – воспроизведение при последовательном предъявлении силлогизма).

Исп. Гал., 17 л., дехканин отдаленного района, малограмотный.

«Драгоценные деньги ржавеют... что-то еще было, я забыл.» (1)

«Драгоценные металлы – ржавеют или нет?» (2)

Исп. Султ., 20 л., дехканин отдаленного района, малограмотный.

«Драгоценные металлы ржавеют.» (1)

«Драгоценные металлы – ржавеют или нет?» (2)

Исп. Мамлак, 32 г., дехканин, малограмотный.

«Все дорогие... золото тоже дорогое... ржавеет оно или нет?» (Лурия 1974: 109).

Невозможность построения связного нарратива имеет своим прямым следствием невозможность нарратива автобиографического. При наличии отдельных биографических воспоминаний они не интегрируются в развернутый рассказ, в связную историю. Это подтверждает и непосредственный анализ «автобиографий» представителей традиционной культуры, проведенный В. Н. Романовым (1991: 61). Анализируя аутентичные тексты, исследователь отмечает «совершенно особый характер отношения традиционной личности к своему прошлому. Судя по этим документам, прошлое явно переживается не как временная последовательность событий, а скорее как некая цепочка локусов, соответствующая возможному маршруту путешествия с начальной и конечной точкой в месте беседы информанта с исследователем». Другими словами, временной план трансформируется в пространственный, и информант описывает не себя в различные периоды жизни, а пространственные ландшафты, в которых он находился, не вычлняя себя из всей совокупности окружающих его объектов.

В терминах Конвея мы можем говорить в данном случае о наличии эпизодической памяти и отсутствии концептуальной автобиографической структуры. Для формирования такой структуры необходима рефлексия, способность выйти за рамки ситуационного контекста и осмыслить себя как целостность, стягивающую в еди-

ный каркас различные атомарные фрагменты собственной жизни. Хотя отдельные факты, подтверждающие наличие такой рефлексии, можно найти уже в культурах первой древности (например, в древнеегипетской «Повести о Синухе»), как система она появляется только в теоретических культурах (Древняя Греция, Древний Китай, Древняя Индия). У древних греков, в частности, представление о личности как развернутом во времени проекте воплощено в идее судьбы, крайне значимой уже для Гомера и Геродота⁴.

Зависимость структуры автобиографической памяти от уровня образования и доминантных форм деятельности

С позиций культурно-исторической психологии ключевым фактором развития мышления и, в частности, формирования рефлексивной установки является школьное образование. Если понимать образование шире, рассматривая также и семью как инструмент для формирования рефлексивной позиции, можно предположить, что для системы автобиографической памяти данный параметр крайне важен. Однако в многочисленных работах, анализирующих возрастные, гендерные, социокультурные особенности автобиографической памяти, образование и базовый тип деятельности почти не принимаются во внимание. Проиллюстрирую выдвинутое выше предположение, используя для этого фрагмент оригинального автобиографического текста – рукописи Евгении Григорьевны Киселевой (женщины с пятью классами образования, за свою жизнь сменившей с десяток профессий, ни одну из которых нельзя связать с «умственным трудом»), присланную на «Мосфильм» в надежде, что изложенная в ней биография станет основой для фильма. Воспоминания Киселевой были опубликованы в первоначальном виде, без всякой редакторской правки, что дало возможность избежать вносимых редактором искажений в оригинальную структуру текста. Публикаторы назвали данный тип нарратива «наивным письмом» (Козлова, Сандомирская 1996).

Когда я разошлась из Дмитрием Ивановичем в 1966 году август месяц живу одна и в горе и в беде осенью, в октябре, попросила своих детей покопать огород, но у моей невестки Марии взгляд был на меня после расход из мужем совсем другой, стала меня называть на ты, и на каждое слово находила отпор и шла навпротив. За день раньше я пошла до них что-бы она мне купила мелу

⁴ Это не отменяет, конечно, того, что древний грек в гораздо большей степени, чем человек Нового времени, развернут вовне, встроен в социальное целое, что эта рефлексия, если так можно выразиться, лишь «бороздит» поверхность, не обращаясь к глубинам, открывшимся перед европейским человеком под влиянием христианства.

для побелки, а то я поступила работать, и работаю, а когда цыган возить на брички мел меня нету дома. Ну правда она купила, я сказала и принесеш, Уо она мне сказала сама прийдеш и забереши с таким гонором, я перемолчала, стоить ведро из мелом у ние. Както прихожу до них, а у ние в сараи вроде кухни она там готовила на кирогазе, стоить вся посуда на земле. Кошки нюхают посуду Я говорю Машиа, перемой всю посуду и набей гвоздей устенку и всю весящую посуду повешай на гвоздики, пусть кошки не нюхают, а потом самым кушать после них из этой посуды, она глянула на меня искося я перемолчала, а до них ходила в сарай кума Галя жила в том-же корпусе № 23 у. Свердлове, только в другом подезде я пошла домой а она ей жалуется вот мать приходила и указывает что мне делать, что мол посуда стоить за земле вся, а эта кума говорить я-бы ее нагнала к чертовой матери, ты мол сама два раза мать пусть дует отсюда, я думаю я ничиво плохого не научила Машу только хорошему учу а какая благодарность да и кума подтруняет ну бог с тобою Вот я зарезала для них курочку что-бы оны поели борца с курицей не пожалела для своих детей цитаю что оны мои дети и покопаются один часок а я погляжу рибенка Было вже одинадцать часов дня, я ждала, ждала в этот день который договорилися а их все мету, я думаю схожу до них пошла на полпути встричается сын Витя и везет Виталика на каляске я дохожу а где Машиа? Та там я сказала я пойду заберу мел ведь я мильком прошла и даже толком не поговорила из Витей. Прыхожу я до них, а она начала мазать, я захожу, я же просила что-бы сегодня вы покопали часок я зарезала курицу для вас, а ты затеяла мазать ти-же неработаеш могла-б и завтра помазать а она мне говорить выйди схаты меня так и сорвало ах ты идиотка, ты меня будиши выгонять их хаты, когда я тибе все в квартиру придбала крала от Тюрича, и тибе давала, и хату из Нач. ЖКО договорилася, дала ему денги, что-бы вас не вигнали из квартиры, когда Райка ваша уехала, а ты меня из сыновой хаты выганяеш? сволоч ты схватила Я щетку да ее по очкам ахты сволоч неблагодарная ии ты как низко опало отношение у ния до меня, а она начала бить меня за мою доброту сильная молодая, да хто я чужая женищина свекров'я. а я что нервнобольная вытрипаная. она мене волочила за волосы аж надвор как хотела беммтижая сволоч и суседи видели Ерема и Цыган говорят вот так невестка. Цыган Володька говорить я ее хотел из фторого итажа бросить поступеньках лярву, сволоч хоть кого она розиграет в драку.

Анализ данного фрагмента и текста в целом позволяет сделать следующие выводы.

Вектор движения нарратива задается внешним контекстом, а не внутренними установками персонажа. Перед героиней не стоит долговременных личностных целей, задач внутреннего развития, в своих действиях она лишь реагирует на событийный контекст, решая ситуационные задачи.

Отдельные эпизодические воспоминания представляют собой взгляд участника, погруженного в поток событий, дословную запись устного рассказа, обращенного к присутствующему рядом и знакомому с сюжетом собеседнику. Поправка на читателя, незнакомого с сюжетом, поясняющие замечания, делающие возможным для него адекватное понимание текста, во многих случаях отсутствуют.

Хотя нарратив создается для вполне определенной цели (как сценарий для будущего фильма), автор оказывается не в состоянии удерживать в сознании эту цель, а также стилистические и структурные ограничения, которые она накладывает. Событийный поток как бы несет с собой автора текста.

Описания отдельных эпизодов часто даны с явно избыточными подробностями, с упоминанием множества второстепенных деталей, порождаемых эмоциональной погруженностью в ситуацию и отсутствием рационального контроля над ней в момент описания. Даже более показательным, чем фрагмент, приведенный выше, является описание Киселевой выяснения отношений со своим вторым мужем и его любовницей: *«Я хватаю из тачки дрын, ударила дверь ногой она розтворилася, а там уже стол накрытый, и бутылка на столе я как ударю постолу дрыном так и разбила все что было на столе, а он за хуражку, за пальто, и хода из комнаты, но я не вышла а схватила эту любовницу за волосы и ногой б'ю в живот и в грешное место, вырвала волосы да еще тащю что-бы вырвать волосы даю ей дрозды зделалася как змия, а потом думаю скем еще подратся...»* (Козлова, Сандомирская 1996: 109)⁵.

Сопоставляя данное описание с «фотографическими» (в терминологии Нурковой) воспоминаниями ее респондентов, можно говорить о большей или меньшей «шлифовке» воспоминаний: степень их обработанности непосредственно связана с тем, насколько развита способность личности к рефлексии и, как следствие, насколько сформирован концептуальный автобиографический каркас.

Еще одна специфическая черта записок Киселевой – их крайняя тематическая бедность. Если в исследованиях Нурковой (2009: 202)

⁵ Рискну привести здесь далекую, но типологически, как кажется, имеющую право на существование аналогию, сопоставив данный фрагмент с отмечаемой многими исследователями натуралистичностью описаний у Гомера. Например: *«Пикой его Пенелей поразил в основание ока, Вышиб зрачок; проколовшая тика и око и череп, Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув, Юноша бедный...»* (Ил. XIV, 488–491).

среднее количество тем на «линиях жизни» участников экспериментов равнялось шести-семи, то у Киселевой таких тем две: война и отношения с ближайшими родственниками (первым и вторым мужем, детьми и внуками).

Важной особенностью рассказа Киселевой является почти полное отсутствие положительно маркированных событий. Из 54 эпизодов первой тетради⁶ нет ни одного с положительной эмоциональной окраской. Война, гибель родителей, потом уход мужа, драки, скандалы, обиды составляют содержание ее воспоминаний. *«Жили мы с мужем очень хорошо, но когда началась война в 1941 году она нас разлучила навсегда, и начались мои страдания»*, – начинает она свои мемуары, и далее весь рассказ представляет собой рассказ о страданиях. Позднее эта позиция формулируется вполне отчетливо: *«Стоит на дворе хорошая солнечная погода, но на душе никогда не было хорошо, всегда грусть да слезы смотришь люди состороны веселые смеются жизнерадостные, но я никогда не засмеялась, никогда. А если засмеюсь то это будит большое горе для меня, какая-то нибуть беда. я это уже знала заметила»* (Козлова, Сандомирская 2009: 108). Страдания оказываются единственным критерием, объединяющим все приводимые ею описания в единое целое⁷. Это резко контрастирует с замеченным Нурковой перевесом позитивных воспоминаний над негативными в анализируемых «линиях жизни» (Нуркова 2009: 202)⁸.

Киселеву, разумеется, нельзя считать представителем традиционной культуры, но она не является и человеком теоретической культуры, получившим соответствующее образование и обученным культурным образцам формирования образа о себе, т. е. не относится к основной массе респондентов, с которыми работают западные исследователи автобиографической памяти и группа Нурковой. Она является представителем (причем не самым ординарным – далеко не каждый посылает свои воспоминания на «Мосфильм») поколения советских людей, обычно не оставляющих о себе письменных текстов, поколения, вспоминающего о своей жизни в устных рассказах детям и внукам. Нельзя говорить об отсутствии у Киселевой концептуальной структуры автобиографической памяти; автор имеет вполне отчетливое представление

⁶ Эта тетрадь является наиболее аутентичной, потому что затем в дело вмешивается редактор, переписка с которым оказывает влияние на дальнейшие записи Киселевой и нарушает чистоту картины.

⁷ Создается ощущение, что неявной целью Киселевой было вызвать к себе сострадание и жалость читателя или зрителя.

⁸ Разумеется, указанное различие связано и с различием в контекстах порождения нарратива, однако оно не может быть объяснено только этим фактом.

о жизненных периодах и наполняющих их событиях. Более того, можно говорить о сквозном сюжете, связывающем воспоминания в единое целое («история страданий»). Тем не менее манера повествования, смысловое наполнение событийных эпизодов, отсутствие в тексте рефлексивного плана заметно отличают эти записки от принятых в современной культуре канонов «рассказа о собственной жизни» и до определенной степени сближают их с автобиографиями представителей традиционной культуры. Структура и организация автобиографической памяти Киселевой носит промежуточный характер, располагаясь между двумя выделенными полюсами.

Заключение

Гипотеза Конвея о двух системах автобиографической памяти имеет наряду с клиническими и нейроанатомическими культурно-исторические основания. Если система эпизодической памяти у представителей традиционной культуры вполне развита, то концептуальный автобиографический каркас формируется позднее, соотносясь с формированием других высших психических функций, и в первую очередь с развитием мышления. Ключевой момент при этом – формирование рефлексивной позиции, происходящее в теоретических культурах (для европейской традиции – в культуре Древней Греции), а в современной культуре достигаемое в процессе школьного обучения. Неслучайно концептуальная структура автобиографической памяти формируется к 16–18 годам, а до этого периода подростки обычно не в состоянии оставлять целостных автобиографических воспоминаний.

Наряду с «протоавтобиографизмом» традиционной и «развитым автобиографизмом» современной теоретической культуры мы можем говорить о ряде промежуточных состояний, одно из которых зафиксировано в записках Киселевой. Детальное описание этих состояний, как, впрочем, и ряд других затронутых выше сюжетов, требует специальных эмпирических и теоретических исследований.

Литература

Выготский, Л. С. 1982. Мышление и речь. В: Выготский, Л. С., *Собр. соч.*: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, с. 118–184.

Глебкин, В. В. 2002. *Теоретическое мышление как культурно-исторический феномен*: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова.

Долгих, Б. О. 1976. *Мифологические сказки и исторические предания нганасан*. М.: Наука.

Дубин, Б. В. 2001. Обращенный взгляд. *Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры*. М.: НЛО, с. 100–119.

Козлова, Н. Н., Сандомирская, И. И. 1996. *Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Гнозис.

Лурья, А. Р. 1974. *Об историческом развитии познавательных процессов*. М.: Изд-во МГУ.

Нуркова, В. В.

2000. *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М.: Изд-во ун-та РАО.

2009а. История как личный опыт. *Историческая психология и социология истории* 1: 5–27.

2009б. *Культурно-исторический подход к автобиографической памяти*: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова.

Нуркова, В. В., Бернштейн, Д. М., Лофтус, Э. Ф. 2003. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк). *Психологический журнал* 24(1): 67–74.

Нуркова, В. В., Василевская, К. Н. 2003. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации. *Вопросы психологии* 5: 93–102.

Нуркова, В. В., Митина, О. В., Янченко, Е. В. 2005. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого. *Психологический журнал* 26(2): 22–32.

Романов, В. Н.

1991. *Историческое развитие культуры. Проблемы типологии*. М.: Наука.

2003. *Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект*. М.: Савин С. А.

Тулъвисте, П. 1988. *Культурно-историческое развитие вербального мышления*. Таллин: Валгус.

Barclay, C. 1986. Schematization of Autobiographical Memory. *Autobiographical Memory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 82–99.

Barsalou, L. 1988. The content and Organization of Autobiographical Memory. *Remembering Reconsidered: Ecological and Traditional Approaches to the Study of Memory*. N. Y.: Cambridge University Press, pp. 193–243.

Brewer, W. F. 1986. *What is Autobiographical Memory?* Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 25–49.

Conway, M. A.

1996. Autobiographical Memories and Autobiographical Knowledge. *Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 67–93.

2005. Memory and the self. *Journal of Memory and Language* 53: 594–628.

Conway, M., Holmes, A. 2004. Psychosocial Stages and the Accessibility of Autobiographical Memories Across the Life Cycle. *Journal of Personality* 72(3): 461–480.

Conway, M., Jobson, L. 2012. On the Nature of Autobiographical Memory. *Understanding Autobiographical Memory: Theories and Approaches*. New York: Cambridge University Press: 54–69.

Conway, M., Meares, K., Standart, S. 2004. Images and Goals. *Memory* 12(4): 525–531.

Conway, M., Pleydell-Pearce, Ch. 2000. The Construction of Autobiographical Memories in the Self-Memory System. *Psychological Review* 107(2): 261–288.

Conway, M., Rubin, D. 1993. The Structure of Autobiographical Memory. *Theories of Memory*. Hove, Sussex UK: Erlbaum Associates, pp. 103–137.

Conway M., Singer J., Tagini A. 2004. The Self and Autobiographical Memory: Correspondence and Coherence. *Social Cognition* 22(5): 491–529.

Conway, M., Wang, Q., Hanyu, K., Haque, Sh. 2005. A Cross-Cultural Investigation of Autobiographical Memory: On the Universality and Cultural Variation of the Reminiscent Bump. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 36: 739–749.

Freeman, M. 1993. *Rewriting the Self: History, Memory, Narrative*. London; New York: Routledge.

Habermas, T., Bluck, S. 2000. Getting a Life: The Emergence of the Life Story in Adolescence. *Psychological Bulletin* 126(5): 748–769.

Luborsky M. 1990. Alchemists' Visions: Cultural Norms in Eliciting and Analyzing Life History Narratives. *Journal of Aging Studies* 4(1): 17–29.

Nigro, G., Neisser, U. 1983. Point of View in Personal Memories. *Cognitive Psychology* 15: 467–482.

Oakes, M., Human, I. 2000. The Changing Face of Memory and Self. *False-memory Creation in Children and Adults: Theory, Research, and Implications*. New York; London: Erlbaum: 45–67.

Rathbone, C., Moulin, Ch., Conway, M. 2008. Self-centered Memories: The Reminiscence Bump and the Self. *Memory & Cognition* 36(8): 1403–1414.

Sutin, A., Robins, R. 2005. Continuity and Correlates of Emotions and Motives in Self-Defining Memories. *Journal of Personality* 73(3): 793–824.

Tulving, E. 1972. Episodic and Semantic Memory. *Organization of Memory*. New York: Academic Press.

1983. *Elements of Episodic Memory*. Oxford, UK: Oxford University Press.

1985. Memory and Consciousness. *Canadian Psychologist* 26: 1–12.

Williams, H. L., Conway, M. A., Cohen, G. 2008. Autobiographical Memory. *Memory in the Real World*. Hove, UK: Psychology Press, pp. 21–90.